

АРТЕФАКТ

ДЕТЕКТИВ

**Читайте лучшие исторические
детективы Юлии АЛЕЙНИКОВОЙ
в серии «Артефакт & Детектив»:**

Проклятие Ивана Грозного
и его сына Ивана

Крест Иоанна Кронштадтского

Тайное сокровище Айвазовского

Нефритовая орхидея императрицы Цыси

Кровавый след бога майя

Тайна русского путешественника

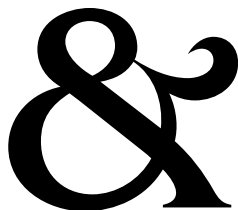
Медальон Великой княжны

Клад последних Романовых

Перстень Григория Распутина

Крест великой княгини

АРТЕФАКТ

ДЕТЕКТИВ

Юлия АЛЕЙНИКОВА

**Крест великой
княгини**

МОСКВА
2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А45

Разработка серийного оформления *К. Гусарева*

Оформление обложки *Н. Кудри*

Редактор серии *А. Антонова*

Алейникова, Юлия.

А45 Крест великой княгини / Юлия Алейникова. — Москва : Эксмо, 2019. — 384 с. — (Артефакт & Детектив).

ISBN 978-5-04-101493-3

В собственном загородном доме убит крупный чиновник Юрий Маслов. И хотя мотива для убийства на первый взгляд не было ни у кого из его близких и коллег, следователь Игорь Русаков уверен, что смерть была тщательно спланирована. И возможно, следы этого преступления тянутся в далекое прошлое — в 1918 год, когда была зверски убита сестра последней императрицы великая княгиня Елизавета Федоровна, чья реликвия — чудотворный крест — теряется в событиях истории семьи Масловых...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-101493-3

© Алейникова Ю., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

Я на тебя гляжу, любуюсь ежечасно:
Ты так невыразимо хороша!
О, верно, под такой наружностью прекрасной
Такая же прекрасная душа!
Какой-то кротости и грусти сокровенной
В твоих очах таится глубина;
Как ангел, ты тиха, чиста и совершенна;
Как женщина, стыдлива и нежна.
Пусть на земле ничто средь зол и скорби многой
Твою не запятнает чистоту.
И всякий, увидав тебя, прославит Бога,
Создавшего такую красоту.

*(Посвящение великой княгине
Елизавете Федоровне
от великого князя Константина
Константиновича Романова)*

Пролог

Золотистые летние сумерки окутали дремлющий в густой зелени садов захолустный уездный городишко Алапаевск. Дурманый запах трав стелился по лугам, низины обманчиво скрывались в призрачной туманной пелене. Вечерние росы клонили к земле тонкие гибкие травы.

Великая княгиня Елизавета Федоровна сидела возле окна Напольной Алапаевской школы, подперев рукой щеку, и смотрела в золотистую даль остановившимся взглядом. Ветер шевелил страницы лежащего перед ней Святого Писания. Она смотрела на расстилающиеся за окном поля, усеянные синими искрами васильков и желтыми огоньками лютиков, на окрасившиеся лилово-фиолетовыми красками небеса, но мысли ее витали далеко от широких сибирских просторов, от этого маленького убогого городка, куда привезли ее вместе с великими князьями Константиновичами, великим князем Сергеем Михайловичем и юным Владимиром Палеем.

Елизавета Федоровна вспоминала Москву. Марфо-Мариинскую обитель, сестер, госпиталь, службы в родном для нее храме Покрова Пресвятой Богородицы. Сколько было трудов, сколько счастливых часов провела она с сестрами, служа Богу, России! Сколь было сделано и сколько осталось несделанным... Живы ли они,

ее сестры, жива ли обитель? Или разорили, разогнали, уничтожили? Бедная Россия, тяжел ее крест... Вздыхала княгиня, не замечая бегущих по щекам слезинок.

Ей было пятьдесят три, всего пятьдесят три года. Красота и силы еще не покинули ее, осанка была так же величава, как и в молодые годы, голос был чистым и юным. Родная сестра императрицы Александры Федоровны, урожденная Елизавета Александра Луиза Алиса Гессен-Дармштадтская, которую в семье ласково называли Эллой, жена великого князя Сергея Александровича, московского генерал-губернатора, столь не любимого своими согражданами, особенно после трагедии на Ходынском поле, произошедшей в дни торжеств по случаю коронации последнего российского императора.

Сергея Александровича всю жизнь обвиняли в высокомерии, надменности, равнодушии, а он был так добр, так сострадателен, так раним, ее Сергей, ее горячо любимый муж, трагически и неожиданно покинувший ее!

Картины того ужасного, страшного февральского дня тысяча девятьсот пятого года, когда она, словно в кошмарном сне, заледеневшая, потрясенная, сокрушенная горем, опустившись на красный от крови снег, своими руками собирала с мостовой разорванное в клочья тело мужа, вставали перед ее невидящим взором, заставляя сердце сжиматься и сочиться болью, такой же острой и жгучей, как и тринадцать лет назад.

Она простила убийцу и даже просила Государя о помиловании, но Иван Каляев все же был казнен. А ведь незадолго до гибели мужа Елизавета Федоровна и сама призывала Государя без всякой жалости бороться с террористами, не позволяя обществу превращать их в героев революции.

Да, смерть Сергея, ее горячо любимого мужа, ее наставника в вере, ее друга, ее ангела-хранителя, стала для нее тяжелейшим ударом, который перевернул всю жизнь, так счастливо начавшуюся здесь, в России, летом тысяча восемьсот восемьдесят четвертого года их венчанием в Придворном соборе Зимнего дворца. Медовый месяц в имении Ильинском, тихая жизнь, полная благих забот о лазарете, устроенном ее мужем в имении, помощь благотворительным обществам. С каким жаром она взялась помогать супругу, этому глубоко верующему, добрейшему из людей! Несмотря на грязные, отвратительные сплетни, ходившие в обществе о ее муже, на обвинения его в содомитском грехе, они искренне любили друг друга и были абсолютно счастливы! Единственное, что печалило Сергея все годы их супружеской жизни, так это отсутствие детей. Но Бог и тут был милостив, послал им племянников Марию Павловну и Дмитрия Павловича, чья мать умерла в родовой горячке, которых они растили и воспитывали с колыбели, как собственных детей.

Какое счастье, что Дмитрий сейчас за границей! Его сослали за участие в убийстве Распутина, и эта ссылка в Персию на театр военных действий, возможно, спасла его жизнь. А вот о судьбе Марии ей ничего не известно. Как она, бедняжка?

Уже месяц, как им запрещено вести переписку, выходить за пределы школы и маленького садика, который они с князьями разбили еще в мае на школьном дворе. Тогда, едва прибыв в Алапаевск, они еще не предполагали, какие испытания их ждут впереди. Дай-то Бог, чтобы остальные спаслись!

Елизавета Федоровна вздохнула, покачала головой, словно отгоняя образы минувшего, все эти волнения, радости и печали остались в иной ее жизни, которая без-

возвратно окончилась. Нет больше мужа, нет обители, сестер, остались лишь молитва к Богу, поля за окном, лес вдалеке и не известность.

Елизавета Федоровна отвернулась от окна и оглядела комнату. Просторную, светлую, полупустую: две железные кровати, стол, пара стульев. Не совсем темница, но почти. Еще недавно им, пленникам, разрешали прогулки по городу, они могли свободно посещать храм, их прилично кормили. А потом, месяц назад, им сообщили о «побеге» великого князя Михаила Александровича. Ни Елизавета Федоровна, ни Сергей Михайлович этой истории не поверили. Однако же у пленников было конфисковано все их имущество — обувь, белье, платье, подушки, золотые вещи и деньги; оставили только носильное платье, обувь и две смены белья. Понять подобный бессмысленный акт было невозможно. Им также запретили прогулки по городу, посещение церкви, урезали паек. С тех пор они практически голодали. Но хуже всего было то, как изменилось отношение к ним охраны, грубость и откровенное хамство были просто возмутительны.

А сегодня днем прибыл в школу усатый чернявый тип в косоворотке, представился членом чрезвычайной комиссии Старцевым и сменил всю охрану, расставив вокруг школы своих людей.

— Для безопасности.

В доме какая-то суета, с обедом сегодня торопились. А после настоятельных расспросов Сергея Михайловича заявили, что их будут перевозить на «Синячиху», Верхне-Синячихинский завод в пятнадцати верстах от Алапаевска. Сергей Михайлович пробовал возражать, но его и слушать не стали.

Золотые краски за окном сменились алым пламенем заката, и стекла в распахнутых окнах, подхватив про-

щальный ответ солнца, вспыхнули ответным огнем. Елизавета Федоровна перекрестилась, глядя на тревожное зарево. Она плохо спала этой ночью. С вечера ее мучила безотчетная тревога, а под утро приснились Аликс, Ники, дети, все в крови и с белыми, словно прозрачными лицами. Елизавета Федоровна проснулась испуганная и до утра молилась.

Ночь, тихая, душная, вливалась в комнату сквозь открытые окна и тонкие занавески, поскрипывала за стеной кровать, беспокойно вздыхала во сне сестра Варвара. Елизавете Федоровне не спалось, беспричинная тревога и беспокойство снесли ее обычно ясное, спокойное существо. Элла с детства не была склонна к экзальтации и истерикам. Ее характер был прямым и выдержанным и даже весьма прагматичным, что вовсе не мешало ее горячей и глубокой вере в Бога, истинной, деятельной вере.

Елизавета Федоровна поднялась, подошла к окну, отчего-то чутко вслушиваясь в ночную тишину, наполнившую дом. И замерла, вытянувшись в струну. Шум проезжающей подводой, едва слышное постукивание копыт по плотной иссохшей земле, скрип колес. Нет, подвод, кажется, несколько. Голоса, тихие, но возбужденные. Остановились возле школы.

Елизавета Федоровна торопливо бессознательно перекрестилась.

Добрые дела по ночам не делаются. Хлопнули двери, в коридоре раздались шаги, потом громкий стук в дверь.

— Подъем! — грубо крикнули из-за двери, и Елизавета Федоровна узнала голос начальника охраны.

— Что вам угодно? — Скорое появление на пороге собранной, спокойной княгини явилось для грубияна полной неожиданностью, он даже весь свой запал растерял.

— Собирайтесь, — ответил он почти спокойным голосом. — Принято решение для вашей безопасности перевезти членов царской фамилии на Верхне-Синячихинский завод.

— Почему же ночью? — растерянно переспросила Елизавета Федоровна.

— Постановление Совета и ЧК, — выступил вперед Старцев, даже не удосужившись снять фуражку при разговоре с дамой. Впрочем... Что фуражка? — вздохнула княгиня. — Собирайтесь. Говырин, свяжи женщинам руки за спиной, веревки вона возле двери!

— Руки? К чему это? Разве мы собираемся и можем бежать при такой охране? — строго спросила Елизавета Федоровна, но ее уже никто не слушал, чекист с помощником уже двинулись дальше по коридору поднимать князей. За ними с винтовками и мотком веревки в руках шли еще двое.

— Завязать всем глаза! — распорядился Старцев.

— Позвольте, к чему это, я дам вам честное слово... — Иоанн Константинович, еще не полностью одетый, торопливо застегивающий пуговицы на воротнике, пытался остановить это бессмысленное насилие.

Владимир Палей и младшие Константиновичи, Игорь и Константин, чуть напуганные, растерянные, толпились в дверях своей комнаты, пытаясь понять, что происходит. А Елизавету Федоровну с верной Варварой уже сажали на подводку, простую деревенскую колымагу, и, поместив рядом с ними троих конвойных, повезли прочь от школы. Впереди и позади двигались телеги с конвоем.

— А где же остальные, почему ничего не слышно? — тревожно вертела головой Варвара, прислушиваясь к окружающей их ночной тишине.

— Сейчас выведут, собирают, — успокоил ее один из караульных.

Но вместо шума шагов во тьме раздался далекий, глухой выстрел. К счастью, единственный.

— Что это? — снова тревожно заерзала Варвара.

— Не знаю, — равнодушно ответил тот же голос. — Пальнул кто-то для остротки. — И снова равнодушно заскрипела подвода, а потом до них донеслись едва слышные голоса, и Елизавете Федоровне показалось, что великих князей все же погрузили и везут следом.

С самого утра у Ваньки Маслова было тревожно на сердце. А точнее, со вчерашнего вечера, когда из Екатеринбурга прикатил к ним товарищ Сафаров, член Уральского совета комиссаров, а потом собрали ребят из охранения и долго выдерживали в коридоре, пока не вышел из дверей кабинета Старцев и не скомандовал:

— Рябов, Степанов, Козлов, Маслов, зайдите. Остальные свободны.

Ванька Маслов со Степановым переглянулись, не робей, мол. В кабинет вошли скромно, не приучены были по кабинетам-то ходить.

За столом сидели члены совета во главе с председателем товарищем Абрамовым, усталым, заросшим щетиной, с ввалившимися от забот и бессонных ночей глазами, справа от него, чуть в стороне — товарищ Сафаров, крепкий, в очках и в кожанке. Мужики еще в коридоре шепнули Ваньке, что большое начальство из самого Екатеринбурга. А что удивляться? Дело не пустячное затевается.

— Вот, товарищи, те самые бойцы, о которых я говорил, — подталкивая их вперед, представил Старцев. — Все из рабочих, надежные ребята.

— Молодые слишком, — с сомнением проговорил Сафаров. — Большевики среди них есть?

— Нет. Но товарищи себя уже показали, я их знаю, — гнул свое Старцев, а Ванька, поглядывая на хмурые лица участников заседания, стал подумывать, не лучше ли сейчас на попятный пойти. Но его ни о чем спрашивать не стали, а после недолгих переглядок велели Старцеву проинструктировать бойцов, и их вытолкали из кабинета.

— В общем, так. Как князей из города вывезут, наши шум поднимут, мол, монархисты Романовых похитили! Наши товарищи уже сейчас по городу слух пустили, что белогвардейцы готовят побег князьям. Так глядите, держите язык за зубами, а то не посмотрим, что пролетарии, — яростно сверкнув глазами, припугнул Старцев. — Части Колчака все ближе к Екатеринбургю подходят, нельзя допустить, чтобы царское семейство в руки беляков попало. Мы, рабочие, с таким трудом взяли власть в свои руки, нам новых царей не надо. Ясно?

Ванька с Митяем кивнули. Ясно, конечно, что ж тут неясного?

— В этой связи Советом рабочих и солдатских депутатов Урала и Чрезвычайной комиссией принято решение уничтожить членов царской семьи. Операция тайная. Знать о ней никто не должен. Если проговоритесь, тут же в расход. Ясно? — в двадцатый раз повторил Старцев, прожигая каждого по очереди своими глазами.

У Ваньки аж нехорошо под ложечкой засосало. Чего в это дело ввязался? Эх, что б ему сегодня больным сказаться, сидел бы дома на печи и бед не знал. Не зря у мамани под утро печенка побаливала, она всегда беду чувствует. А ну как сегодня они царских родственников в расход, а завтра беляки их за это самое туда же?

— Чего притихли? Сдрейфили? — уловив настроение, витавшие в рядах, рыкнул Старцев. — Вы мне это бросьте! Завтра утром заступите на дежурство. Почти весь караул я своими людьми из ЧК заменил, да еще пара человек из рабочего отряда подойдут, те, что понадежнее. И чтоб никаких мне там крендебобелей! — грозно зыркнув глазюками, велел Старцев. — А теперь марш по домам.

Домой Ванька шел словно через силу. Ох, головушка его несчастная! И зачем он только в это дело впутался? Говорил старший брательник Петруха, не ходи, Ванька, к совдепам, наплачешься. Сегодня погуляешь гоголем, а завтра другая власть придет, отвечать придется. Да больно Ваньке понравились паек, ружье с патронами и то, как на него соседи с опаской поглядывать стали. А все дружок его Митька Степанов, пойдём да пойдём. Он, дурак, и послушался. Вот Петруха у них хитрый, сидит на своем дровяном складе и в ус не дует.

Сбежать, что ли, чтоб завтра на службу не являться? Вон Старцев сам говорил, что беляки со всех сторон прут, да и в городе поговаривают, не продержатся большевики, сдадут город. И что ему тогда?

Ведь что самое скверное? Маманя. Княгиня Елизавета Федоровна, можно сказать, со смертного одра ее подняла, на ноги поставила. Еще когда только в город их привезли, княгиня тогда ходила и в лазарет, и в церкву. Бедным да хворым помогала. А у Ваньки тогда очень маманя болела. Доктора позвать Ванька не мог, денег нет, сам как лечить, не знал. А маманя слегла, ни приготовить, ни прибрать, в уборную и то не вставала. А Ваньке что? Ему на службу надо. Спасибо, соседка пожалела, ходила прибрать да сварить. А Ванька ей то харчей подкинет, то по хозяйству чего поделает. Петрухина-то жена Глафира